

Письма Нины Озеровой-Анерт как отражение процесса женской эмансипации в 1920-х гг.

М. В. Кротова

В статье анализируются письма архитектора Нины Озеровой-Анерт (1892–1968) из Ленинграда в Харбин, которые сохранились в личном архиве ее бывшего мужа, известного геолога Э. Э. Анерта. Источник можно считать уникальным, так как он отражает внутренний мир интеллигентной женщины 1920-х гг. в переходный период, когда женщинам из «бывших» необходимо было встроиться в новую социальную реальность. В письмах затронуты вопросы, связанные с изменениями роли женщины в обществе, семье, повседневной жизни. Несмотря на индивидуальный случай, из содержания корреспонденции можно вычленить определенные черты, характерные для поведения женщин этого периода, которые вынуждены были решать вопросы о женском предназначении, профессиональной реализации, материнстве, браке и проч. Используя антропологический подход, в статье предпринята попытка реконструировать жизненные сценарии, паттерны женского поведения автора писем. Статья основана на неопубликованных документах из РГАЭ, ЦГАЛИ СПб, ЦГИА СПб, ЦГА СПб. В итоге можно сделать вывод, что даже такой специфический источник, как эпистолярное наследие, при внимательном прочтении способен помочь в изучении процессов эмансипации в 1920-х гг.

Ключевые слова: гендерная история, женский вопрос, эмансипация, СССР, 1920-е гг., Ленинград, эго-документы, переписка.

Для цитирования: Кротова М. В. Письма Нины Озеровой-Анерт как отражение процесса женской эмансипации в 1920-х гг. // История повседневности. – 2024. – № 3. – С. 268–286. DOI: 10.35231/25422375_2024_3_268. EDN: XEGBJN

Введение

1920-е гг. в российской истории являются особым переходным периодом, эпохой слома всех устоев и попыткой заменить прежние основания новой идеологией и формированием нового человека. Так как одной из декларируемых ценностей победившей революции стало гендерное равенство, новый семейный уклад, «освобождение» женщины, то, естественно, этот период привлекал к себе самых разных исследователей женской истории [1–6]. Итогом этого периода стали экономическая мобилизация женщин, культивирование «бесполости» и господство модели «работающая мать» [1].

Расширение исследовательского поля всегда подразумевает привлечение новых источников. В связи с антропологическим и лингвистическим поворотами в исторической науке, особым вниманием к микроистории и индивидуальному опыту эго-документы, в том числе и корреспонденция, приобрели новое измерение и особую актуальность [7–11]. Надо заметить, что эпистолярное наследие, как и другие документы личного происхождения, является уникальным источником, который несет на себе отпечаток эпохи и открыт для различных интерпретаций. Письма отражают непосредственные впечатления, субъективное восприятие окружающего мира, позволяют выявить особенности личности и имеют несомненную историческую ценность. Частная переписка до последнего времени играла огромную роль в системе межличностного общения, сообщая адресату о текущих делах, физическом и психическом состоянии, взаимоотношениях с родственниками, любовных переживаниях, хозяйственных заботах, творческих замыслах, достижениях и неудачах [12, с. 48]. Обращение к такого рода источникам при анализе и обобщении позволяет выявить определенные тенденции, перемены в поведенческих практиках и устройстве частной жизни.

В личном архиве известного геолога Э. Э. Анерта (1865–1946), который находится в Российском государственном архиве экономики, содержатся письма его бывшей жены Нины Озеровой-Анерт (1892–1968) [13]. Это более 40 писем (143 листа), которые она посылала в Харбин из Ленинграда с 1922 по 1932 гг. Письма эти были написаны в период драматических перемен как в жизни автора, так и страны, и отразили ее попытки реали-

зоваться в профессии и перипетии запутанной личной жизни. Из содержания писем складывается определенный нарратив, демонстрирующий формирование гендерных ролей и возникновение конфликта между традиционной и современной моделью женского поведения [14–16]. Представляется, что изучение индивидуального женского опыта, с применением антропологического подхода и биографического метода, позволит понять, насколько послереволюционные изменения и представления о «новой» женщине повлияли на развитие процесса женской эмансипации, формирование жизненных сценариев и паттернов женского поведения. При этом необходимо учитывать специфику источника, его уникальность и крайнюю субъективность, тщательное выстраивание своего образа автором писем.

Цель статьи – на основе эпистолярного наследия выявить особенности формирования личности и жизненной стратегии интеллигентной женщины в Ленинграде 1920-х гг. Исходя из цели, были поставлены исследовательские задачи: провести внешний и внутренний анализ источника; восстановить биографию автора писем (возраст, происхождение, образование, формирование личности, жизненные обстоятельства), а также его адресата; проанализировать текст писем и выделить представления о «новой женщине»; выявить расхождения между декларируемыми ценностями и реальным поведением; реконструировать жизненные сценарии женщины в 1920-х гг.

Реконструкция биографии Нины Озеровой-Анерт

Для анализа такого источника, как письма, необходимо было выяснить подробности жизни их автора и его адресата. Для этого пришлось обратиться к архивным документам, исследовательской литературе и анализу текста писем. Из личных дел и анкет Нины Озеровой-Анерт и ее сестры Евгении Павловой [17–19] выяснилось, что Нина Семеновна (урожденная Павлова) родилась в 1892 г. в Тифлисе, в семье страхового агента Семена Павловича Павлова из купеческого сословия. В 1908 г. она окончила 3-ю Тифлискую женскую гимназию, после чего отца перевели в Москву, и она недолгое время училась в Москве на Высших женских курсах проф. В. И. Герье, в 1909 г. вместе с семьей переехала в Санкт-Петербург, где поступила на Бестужевские курсы (историко-филологический факультет), которые

так и не окончила [19, л. 1], потому что поняла, что ее призвание архитектура. Позже в личном листке члена Союза архитекторов СССР она указала, что в 1911 г. прожила месяц в Париже, где изучала архитектуру, в 1912 и 1913 гг. с той же целью совершила путешествие в Италию (Рим, Неаполь, Венеция) [19, л. 8]. В 1912 г. Нина Семеновна поступила на Высшие женские политехнические курсы (архитектурный факультет), окончание которых давало право исполнять строительные и технические работы, и в 1918 г. окончила их со званием архитектора [17, л. 7]. Можно предположить, что Нина Семеновна до революции вращалась в артистической среде Петербурга. Ее имя мелькает на страницах дневника Лидии Рындиной, актрисы театра и кино, писательницы и эзотерика, жены С. А. Соколова (Кречетова) [20, с. 217], круг знакомых которой состоял из литераторов, а также артистов Москвы и Петербурга. Нина также упоминает Лидию Соколову в своих письмах [13, л. 77].

В 1914 г. Нина Семеновна Павлова вышла замуж за Э. Э. Анерта, который к тому времени был уже состоявшимся ученым, действительным статским советником, членом Геологического комитета. Супруги поселились в квартире Анерта на Троицкой ул. (ныне ул. Рубинштейна), 23, но прожили вместе недолго: в мае 1918 г. Анерт отбыл на Дальний Восток, откуда уже не вернулся, а в 1919 г. официально был оформлен развод. Нина Анерт вторично вышла замуж за инженера Николая Васильевича Озерова, в 1921 г. родилась дочь Марина. В дальнейшем после самоубийства мужа в 1925 г. она какое-то время надеялась на воссоединение с Анертом, но в 1928 г. вновь вышла замуж.

Отдельно необходимо сказать несколько слов и об адресате писем – Эдуарде Эдуардовиче Анерте (1865–1946), геологе, известном своими изысканиями не только на Дальнем Востоке, но и в Китае [21]. У Анерта это был второй брак (первая жена умерла), и со второй женой была значительная разница в возрасте (27 лет), образовании, социальном статусе (он был дворянин, она – из купеческого сословия). Его письма к Нине не сохранились (она все уничтожила, остались только копии трех писем Анерта в его архиве), но документы из архива Анерта и мемуары эмигрантов позволяют составить впечатление о нем, как о интеллигентном, мягком и деликатном человеке, который поддерживал материально не только родственников (сестру

и племянника), но и друзей и знакомых в Харбине, в то время как сам жил более чем скромно. После брака с Ниной он больше не женился, жил одиноко, работал до конца жизни и умер в 1946 г. в Харбине [21]. Из эмиграции он помогал бывшей жене и ее матери в Ленинграде денежными переводами и посылками, пытался с помощью сохранившихся связей помочь Нине с устройством на работу. Во многом именно его характером объясняется содержание и тон писем Нины к бывшему мужу.

Анализ содержания писем

В архиве Анерта насчитывается 46 писем Нины с 1922 по 1932 гг., и, судя по всему, это далеко не полный список. Переписка началась в 1922 г., когда Нина узнала от знакомых о местонахождении бывшего мужа в Харбине, но была непостоянной: иногда она писала ежедневно, но были перерывы в несколько месяцев и даже лет. Для анализа содержания писем необходимо выяснение мотивов начала переписки и ее продолжения. Скорее всего, это было не просто желание напомнить о себе, но и меркантильный интерес.

Уже в начале переписки в письме от 13 ноября 1922 г., где Нина Семеновна в обширном письме на 16 страниц рассказывает, что произошло в ее жизни после отъезда Анерта из Петрограда в 1918 г., она пишет о потребности «излить душу» («ты мое последнее прибежище от всех душевных мук»), рассказывая о годах «страданий и одиночества», начале самостоятельной работы в качестве архитектора, но тут же оговаривается, что «жила я, конечно, на твое жалованье, которое мне выплачивали в Геологическом комитете аккуратно до октября 1919 г.», после чего пришлось продавать вещи и менять их на продукты [13, л. 70]. В этом письме, рассказывая о своем новом замужестве и рождении дочери, Нина напоминает о некоей связи между ней и Анертом, которую «не нарушить даже другим браком», жалуется на свою жизнь, вспоминает, как прекрасно они жили первые годы, просит «во имя нашей любви» и ребенка о материальной помощи, приглашает вернуться, чтобы «зажить по-старому» [13, л. 73 об.]. Просьба возымела действие, и с 1923 г. Анерт регулярно посылал Нине деньги.

В дальнейшем интенсивность переписки зависела от поступления денежных средств от Анерта. Именно поэтому при

чтении писем не оставляет ощущение, что Нина не до конца искренна. Конечно, ей было важно, какое впечатление она произведет на бывшего мужа, так что в содержании писем сплелись разные мотивы – потребность в участии, желание нравиться, финансовый интерес, надежды на перемены в жизни. В то же время можно полагать, что письма были не только некоей отдушиной в жизни Нины, своеобразным способом разобраться в своих чувствах, но и средством манипуляции для решения своих денежных проблем.

Обращает на себя внимание стиль писем Нины – неровный, полный разнообразных эмоций, отражающий нестабильное психологическое состояние автора. Она легко меняет регистры – от высокого к низкому, и за предложениями об одиночестве следуют деловитые фразы о способах передачи денег из Харбина в Ленинград. По содержанию письма малоинформативны. Только по отдельным фразам, брошенным вскользь, можно догадаться, что происходит в жизни Нины (работа, замужество, рождение ребенка, отношения с новым мужем и другими мужчинами и проч.). В центре большинства писем – она сама, ее чувства, желания, метания, страдания. Текст писем производит впечатление определенным путем выстроенного нарратива, в нем чувствуется литературность и следование намеченным линиям. Возможно, именно в письмах она проигрывала сюжеты своей будущей книги, которую, по ее сообщениям, писала.

Хотелось бы обратить внимание на своеобразие речевых практик – аффективная и экспрессивная лексика («до жути», «безумно», «ужасно», «страшно», «кошмарно скверно»), использование модных выражений («довольно колбасы, как говорят у нас»), игривость, обилие многозначительных многоточий. Отдельные выражения могли бы стать ключом к пониманию ее отношений с бывшим мужем: она обращается к нему «Дядя», «дорогой», «старый», «единственный» друг, все время напоминает о «прожитых хороших днях», «светлой дружбе», ждет от него «ласкового слова», любви и жалости. Стоит отметить низкий уровень грамотности автора писем, отсутствие знаков препинания, ошибки в написании иностранных слов (даже название любимых духов *L'Origan Cotu* она написала неправильно – *Logigan Coti*), хотя в анкетах указывала – «читаю и перевожу с французского» [19, л. 1; 17, л. 5]. Язык писем представляет

несомненный интерес, так как через определенные слова и выражения можно выяснить ее представления о современности.

Есть в письмах и еще один мотив – бытовая сторона жизни, которой она тяготилась. После замужества с Анертом Нина, по-видимому, жила обеспеченной жизнью в пятикомнатной квартире в центре Петрограда, в семье была прислуга, устроенный быт, Нина ни в чем не нуждалась (в письмах упоминаются бриллианты, которые пришлось продать). Тем трагичнее был переход к тяжелым послереволюционным временам, «без света, без воды, с замерзшими фановыми трубами», с «бесконечными хождениями пешком» [13, л. 71]. Описывая голодный и холодный Петроград 1918–1919 гг., Нина Семеновна подчеркивает, что прислуги не было, и ей приходилось работать и делать всю грязную «каторжную» работу – стирать белье, убирать комнаты, готовить обед, мыть грязную посуду, и кроме того, продавать вещи, обменивая их на продукты, шить из занавесок шарфы, писать плакаты для торжеств и проч. [13, л. 71]. По ее словам, она «многое прожила» – портьеры, ковры, все свои платья и драгоценности. К тому же, при уплотнении квартир она впустила жильцов, которые ее обворовали. В письмах много деталей повседневной жизни Петрограда/Ленинграда 1920-х гг. – послереволюционный и «нэпманский» быт, цены на продукты, товары и жилье, бюджет, зарплаты, квартирный вопрос, модные новинки вроде розовых чулок и стриженных волос в 1926 г.

Большую часть писем составляет подробный рассказ о взаимоотношениях Нины с мужчинами. Сначала это некто П. П. – человек, связь с которым началась еще во время брака с Анертом и стала, скорее всего, причиной развода. Так, Нина в письме от 13 ноября 1922 г. проговаривалась: «Последний год я совсем не щадила тебя, а ты все выносил и даже не жаловался» [13, л. 74]. Эта связь продолжалась до 1920 г., когда Нина встретила Николая Васильевича Озерова, который был женат и имел сына, однако это не помешало им сойтись. В 1921 г. родилась дочь Марина, после чего был оформлен брак, Нина Анерт взяла фамилию мужа и стала Озеровой. Однако и этот союз счастья не принес, и летом 1925 г. Н. В. Озеров покончил жизнь самоубийством (повесился), после чего Нина предложила Анерту переехать в Ленинград, чтобы быть вместе, даже вернула себе старую фамилию, став Озеровой-Анерт. В дальней-

шем была еще одна «неудачная любовь», которую она подробно описала, а в 1928 г. она встретила «самое прекрасное существо в мире» и вышла замуж в третий раз. Переписка на несколько лет прекратилась и возобновилась только в 1932 г., чтобы выяснить вопрос о получении денег по страховому полису общества «Нью-Йорк», которым Анерт застраховал свою жизнь в ее пользу [13, л. 60].

Представления о «новой» женщине

Одной из тем писем, которая занимала Нину, был так называемый «женский» вопрос и поиск своей идентичности. Концепция «новой» женщины сложилась к концу XIX в., и сильно различалась в зависимости от социальной, политической, культурной принадлежности [9]. Одним из главных маркеров было образование, которое открывало путь к женской эмансипации [14, с. 23]. После революции понятие новой женщины приобрело дополнительные оттенки, и о взглядах Нины можно лишь догадываться, реконструируя ее представления по отдельным высказываниям и поступкам. В первую очередь, для Нины была значима независимость – экономическая, связанная с получением образования и профессии, а также свобода в выборе партнера.

Можно предположить, что представления Нины о новой женщине принадлежали еще Серебряному веку, периоду модерна, отсюда в письмах театральность, надлом, аффектация, позирование, постоянное напоминание о том, как она хороша собой. Скорее всего, она ориентировалась на модернистские литературные произведения конца XIX в., модные в то время, – Г. Ибсена, К. Гауптмана, Г. Майзель-Гесс, Г. Зудермана, А. Амфитеатрова, Е. Нагродской, И. Потапенко и др., где героинями стали новые женщины, утверждающие себя разными способами в мужском мире, протестующие против традиционной роли матери и жены. Из содержания писем заметно, что символическими лицами для Нины являлись Нора Хелмер из пьесы «Кукольный дом» Г. Ибсена (1879) или Тата – героиня романа Евдокии Нагродской «Гнев Диониса» (1910), в котором замужняя женщина предпочитает страсть стабильному браку, но в дальнейшем тяготеет и любовью, и материнством.

Переломные события заставили Нину Семеновну искать применение в новой реальности, извлекая из советской дей-

ствительности какие-то преимущества, в первую очередь в вопросах равноправия и определенной свободы в семейных и сексуальных отношениях. Для нее важным было быть вровень с веком, утвердить новую роль женщины – друга, любовницы, профессионала. Главный акцент в письмах сделан на том, что новая женщина – в первую очередь работающая женщина. Собственно, Нина Семеновна с первых писем подробно описывает свой трудовой путь, начиная с отъезда Анерта в 1918 г.

Из содержания переписки, которое верифицируется данными из личного дела, можно составить ее профессиональную биографию. Она начала работать с 1919 г. в Отделе по делам музеев и охране памятников старины Народного комиссариата по просвещению (Наркомпроса), где ей поручили обмер Эрмитажного театра в Зимнем дворце. Этой работой Нина Семеновна была горда: «Когда никто из мужчин не работал – кто саботировал нарочно, кто просто не мог примениться к современным условиям, обмер окончила. Представь себе, как мне было трудно добиться признания как архитектора и получить самостоятельную строительную работу» [13, л. 71 об.].

Затем она перешла в отдел музеев, где отвечала за производство работ по ремонту и реставрации памятников архитектуры Наркомпроса. С 1920 г. Нина работала в Новгороде заведующей отделом охраны памятников, руководила ремонтом и реставрацией церковей Спаса Нередицы, Федора Стратилата, Знаменской и Вологовской церковей, звонницы Софийского собора [19, л. 6]. Этот период для Нины был особенным: «Я отлично понимала, что или сейчас, или никогда. Я могла стать величиной, и я начала действовать» [13, л. 71]. Нина проработала в Новгороде три летних сезона, проделав, по ее словам, «колоссальную» работу в сложных условиях, «когда все летело кавардаком, при антагонизме с церковью и насмешливом отношении к искусству вообще». Ей удавалось доставать средства, добывать нужные строительные материалы, все согласовывать и вести работу «с самым научным подходом». Под ее руководством работало более 60 человек рабочих и помощников. Она сообщала Анерту о том, что была счастлива «сознанием исполняемой большой работы»: «Я горела, я жила полной жизнью. <...> Ты бы порадовался за меня, когда я читала в академии материальной культуры доклад и демонстрировала свои диапозитивы» [13, л. 71 об.].

В это же время она не оставляла попыток поступить в Академию художеств, затем, после смерти мужа в 1925 г., хотела экстерном закончить институт гражданских инженеров, чтобы доказать свою состоятельность, расти профессионально и зарабатывать.

Так, в первые послереволюционные годы Нине удалось «выкарабкаться», найти работу по специальности, приобрести статус самостоятельной женщины. Однако заявления о стремлении к независимости сочетались в ней со слабостями и сомнениями. Судя по содержанию писем, чувства для Нины всегда были важнее, и именно любовь ассоциировалась со счастьем и полной жизнью: «сердце мое навсегда останется глупым и жаждущим тепла и любви» [13, л. 14 об.]. Причем при появлении новой любви старая тут же тускнела. Так, чувство к П. П., которого она, по ее словам, любила и ради которого пожертвовала многим, при встрече с будущим мужем Н. Озеровым мгновенно «вылетело из сердца, и новая любовь как-то посетила меня»; «я чувствовала себя, как птица, вырвавшаяся на волю» [13, л. 73].

Однако брак с Н. В. Озеровым принес страдания: его бывшая жена угрожала самоубийством, сын от первого брака жил с ними, отравляя Нине существование. Муж настоял на том, чтобы Нина ушла со службы, так как «ему нужна женщина, а не архитектор», и ей пришлось быть «за прислугу при большой семье». «Нудная противная черная работа», стряпня, экономия («записываю каждый грош и получаю выговор за каждую истраченную копейку») стали для Нины «кромешным адом»: «Мечтала о семейном счастье – имею какую-то жалкую пародию» [13, л. 76]. К тому же муж часто уходил в запой и обладал деспотичным характером, даже поднимал на нее руку, о чем Нина в деталях написала Анерту в письме от 17 февраля 1923 г. Она не ушла от мужа, оправдываясь тем, что любит Озерова, и привязанность к нему, в том числе и сексуальная, была сильнее ее [13, л. 79].

Но не прошло и года после трагической смерти мужа, как Нину посетила новая любовь – это был коллега по работе, но так как он был женат, приходилось вести «тайную жизнь», и этот роман окончился разрывом. В 1928 г. она встретила человека, который «во всех отношениях вполне мне соответствует, которого я всем своим существом хочу навсегда и безраздельно иметь своим» [13, л. 58], поэтому Нина сообщила Анерту о своем новом замужестве, и переписка прекратилась.

Паттерны женского поведения и жизненные стратегии

Можно только догадываться, кто был для героини символическим лицом и моделью для эмансипации, реконструируя ее представления по отдельным высказываниям. Она примеряла на себя разные роли, утверждая, что ее жизнь вся похожа на ряд картин, где она «всегда другая»: роковая демоническая женщина, разрушающая чужие жизни, мать и хозяйка, подчиненное мужчине существо («вся во власти «повелителя» и его милости» [13, л. 76 об.]).

Судя по письмам, ей был дорог образ современной независимой женщины- профессионала. Уход со службы после замужества в 1922 г. она оправдывала «безвыходным положением»: «своим трудом я прожить не могу, особенно с ребенком»; «интеллигентный труд оплачивается сейчас вообще кошмарно скверно»; «женщине сейчас опять так же трудно найти работу, как и до революции»; «как бы ни работали, все равно на нас смотрят, как на баб» [13, л. 76].

В 1923 г. Нина решила, что важнее всего в жизни творчество, и ей необходимо заняться литературным трудом и описать опыт своей «пестрой» жизни, где ей пришлось испытать «почти все, что вообще достается женщине». Она считала, что смогла прожить «судьбу многих женщин», что ее миссия – прояснить «женский вопрос» и рассказать «кое-что очень интересное» о «современной женской душе» [13, л. 83]. Сначала она хотела просто описать свою жизнь, но потом решила переработать свой женский опыт и воплотить его в разные образы, «прибавив из наблюдений над другими», даже придумала название будущей книги – «Бессильная душа» [13, л. 83]. Анерт интересовался судьбой книги, просил почитать что-то из нее, но после смерти мужа она сообщила в письме от 17 сентября 1926 г.: «От искусства я совсем ухожу, слишком мучительны занятия им, а главное, ненадежно, мне нужен твердый заработок» [13, л. 25].

Роль, которая удавалась ей лучше всего, – это «раба любви», объект для удовлетворения желаний, придаток мужчины, интересы которого она ставила выше своих. Так, рассказывая в письме Анерту об отношениях с П. П., она упоминала о том, что хотела поступить в Академию художеств в 1918 г., но тот «вбивал мне в голову, что я бездарность, что глупо мне учиться», потому что имел «огромную власть надо мной», и она отказа-

лась от своих планов [13, л. 70]. При описании сложного клубка отношений с Н. Озеровым, она сообщала, что терпела «тысячу мелких унижений» ради «иллюзии любви», была «связана по рукам и ногам», но эта зависимость была ей приятна: «Правда, бывают порывы, когда я невыносимо страдаю и жажду свободы, но все это проходит» [13, л. 89]. И в дальнейшем после смерти мужа в письмах Анерту Нина писала об ожидании любви, мужчины, способном «вызвать опять и опять блаженную радость любовного экстаза в моем теле» [13, л. 19 об.]. Новая любовь представлялась ей вызовом, особенно, если мужчина был несвободен: «Если я любила и хотела, то я к этому стремилась всем существом, и я достигала, невзирая на чужие страдания и вообще на все препятствия. Мне последнее доставляло даже удовольствие» [13, л. 18]. Интересно заметить, что у ее третьего мужа она была также третьей женой.

Жизнь с Озеровым, несмотря на домашнее насилие, она оправдывала наличием ребенка, однако в традиционной роли женщины-матери ей было тесно. Судя по всему, Нина не хотела детей. Сообщая Анерту о том, что у нее появилась дочь от Н. В. Озерова, она пишет: «Ты, наверное, поражен, это так на меня не похоже. <...>. Ты знаешь, как я этого боялась раньше, но видно, для всякой женщины пробьет свой час» [13, л. 74]. Однако материнство стало для нее обузой, трудно совместимой с работой: через пять недель после рождения дочери она уехала на работу в Новгород, где приходилось и работать, и заботиться о ребенке, а это «ужасно изнуряет» [13, л. 74]. Когда она вышла замуж и бросила работу, «беспрерывный детский писк и болтовня» не давали ей сосредоточиться. В письме от 30 декабря 1924 г. она жаловалась: «Буквально, я от этого с ума сойду. У меня нет минуты для себя, а мне нужно по крайней мере 3 часа в день» [13, л. 101]. После самоубийства мужа ей было «жаль дитя, которое я так безрассудно вызвала к жизни» [13, л. 129]. В дальнейшем она перепоручила ребенка матери и учительнице немке, которая жила в их квартире. О дочери в письмах Нина упоминала только в связи с ее болезнями или успехами, делая акцент на том, какая она «очаровательная» и «хорошенькая». Интересно замечание Нины в письме от 2 августа 1926 г., которое полностью посвящено ее новому романтическому увлечению: «Дочь моя, хоть и любит меня, но уже

обнаруживает признаки эгоизма, и я предчувствую много страданий впереди» [13, л. 17 об.].

В зависимости от периодов жизни Нины вырисовывается несколько моделей брака: «дружеский брак» (содружество) с Анертом (в письме она писала, что отношения у них последние годы совместной жизни были «дружеские и не брачные» [13, л. 73 об.]); свободный союз с П. П., полный страстей и унижений; традиционная патриархальная семья с Н. В. Озеровым, с элементами четкого распределения ролей (женщина сидит дома, муж зарабатывает) и домашним насилием [13, л. 80]. Когда в 1926 г. на работе завязался новый роман с коллегой, она описала идеальный союз: «Нас связывает все: работа, общие вкусы и интересы, половое влечение и нежная дружба. <...> Мы вместе читаем, играем на скрипке и на рояле, говорим, занимаемся железобетоном» [13, л. 19]. Вот только о последнем браке она практически ничего не писала, кроме того, что любовь эта «ни в коей мере не отразится на моей работе, я знаю твердо, что без работы я не могу быть счастливой» [13, л. 59].

Стоит заметить, что в письмах тема личной жизни соседствовала с мотивом профессиональной реализации. После трагической гибели мужа Анерт предложил Нине с дочкой переехать к нему в Харбин, но она отказалась: «Здесь я человек, личность, и несмотря на все трудности – все-таки работаю по специальности и думаю кое-чего достичь» [13, л. 3]. В этом письме от 10 января 1926 г. она сообщала, что собирается поступить в институт гражданских инженеров для специализации по отоплению и вентиляции, прибавив, что учиться – «это самое большое мое удовольствие» [13, л. 6]. И в последующих письмах Нина писала о профессиональных планах, работе, проектах, подчеркивая свою самостоятельность, хотя и не была уверена в завтрашнем дне: «К женщинам-инженерам отношение определенно недоверчивое и в лицо говорят: “женщин не надо”» [13, л. 12 об.].

Ее понимание эмансипации было своеобразным – делая акцент на свободе и независимости, она постоянно обращалась к Анерту за финансовой помощью. По ее словам, деньги ей нужны были для свободы творчества и самореализации, просить у Озерова она не хотела, но Анерт был другое дело. В письме 19 января 1924 г. она проговорила: «Ведь ты – сама доброта, и это я всегда эгоистично эксплуатирую. Да, мы любим друзей,

которые дают!» [13, л. 94]. Отношение к Анерту было сугубо прагматическим: с одной стороны, Нина призывала его приехать, чтобы жить в одном городе, но с другой стороны, считала, что его нахождение в Харбине имеет свои преимущества: «удобно, что в случае чего-нибудь есть, куда уехать» [13, л. 87]. После смерти мужа она умело манипулировала то воспоминаниями о прошлом, то здоровьем ребенка, то своим тяжелым существованием и угрозой самоубийства: «Здоровье мое очень плохо – нервы болят и силы убывают, ... часто хочется умереть и взять с собою Марину» [13, л. 136]. Анерт ежемесячно посылал суммы от 40 до 80 руб. (Нина называла это «обычное ежемесячное пособие»), на которые Нина рассчитывала, так как иначе пришлось бы «во многом необходимом себе отказывать» [13, л. 41].

Хотя Нина в письмах подчеркивала свою слабость и инфантильность, однако, судя по переписке, она не была такой уж беспомощной. В письме от 26 марта 1925 г. она сообщала, что у нее есть прислуга, и что она нашла для себя кое-какую работу: делала этикетки для макаронной фабрики, проект киоска для «Севпечати», перепланировку части их дома по поручению Жилтоварищества. Она организовала при доме детский сад, куда устроила Марину, чтобы освободиться от домашних дел. Сняла дачу в Сестрорецке и сдавала комнаты, чтобы «немного зарабатывать» [13, л. 94].

Желание Нины быть современной, идти в ногу со временем сочеталось с невозможностью отказа от старых «буржуйских» привычек. В письме от 20 декабря 1925 г. она просила Анерта прислать ей из Харбина небольшую посылку с французскими духами, пудрой, чулками и модными лайковыми перчатками («особенно скучаю без духов») [13, л. 141]. В письме от 28 октября 1928 г. она сообщала Анерту о своем образе жизни: два раза в месяц в театр, два раза в месяц в кино, один раз на заседания в Обществе архитекторов и «редко в Деловом клубе», где состою членом [13, л. 34]. Не забывала об отдыхе («ремонттировать свое тело необходимо» [13, л. 55]: лето проводила на даче в Сестрорецке, зимой отдыхала в Кисловодске. В письмах то и дело встречаются упоминания о поездках на юг во время отпусков за свой счет. Даже в последнем письме 7 августа 1932 г. Нина сообщала Анерту, что отдыхает на курорте, «была в санатории, лечу печень и нервы»; собиралась в Крым, в Алушту [13, л. 60].

Дальнейшая судьба Нины Озеровой-Анерт показала, что, по-видимому, ей удалось найти равновесие между семьей, личной жизнью и профессией. Судя по всему, жизнь Нины сложилась удачно, и она состоялась как профессионал. Выйдя повторно замуж, она работала по профессии архитектором-проектировщиком, в 1933 г. вступила в Союз архитекторов СССР, в 1930–1937 гг. спроектировала несколько заводов и зданий. Во время войны она эвакуировалась из Ленинграда в Самарканд, в 1944 г. переехала в Киев, где работала в управлении по делам архитектуры, затем старшим научным сотрудником в Академии архитектуры УССР. В 1956 г. вышла на пенсию, после смерти мужа вернулась в Ленинград и еще в общественном порядке выполняла работы по заданию ГИОП [19, л. 2–3]. Скончалась Нина Семеновна в 1968 г. в Ленинграде.

Обсуждение и выводы

В результате анализа писем Нины Озеровой можно прийти к выводу, что составить полный, законченный образ женщины 1920-х гг. через эпистолярное наследие без привлечения дополнительных источников, включения их в исторический контекст вряд ли возможно. Можно говорить только об эскизе, наброске, впечатлении в импрессионистском ключе. Но принимая во внимание чрезвычайную субъективность такого рода источников, как письма, надо признать за ними большой потенциал для исследований в области истории повседневности, гендерной истории и возможность расширения представлений о женской идентичности. Индивидуальный личный женский опыт, описанный в письмах Нины Озеровой-Анерт, несомненно, интересен с точки зрения женской репрезентации. Конечно, гендерную проблематику можно найти практически в любом источнике личного происхождения, но именно письма позволяют раскрыть дополнительные смыслы, скорректировать наши представления о таком явлении, как женская эмансипация в 1920-е гг. Из разных мелочей, оговорок, недосказанностей складывается определенная картина, отражающая все оттенки женского поведения, пусть и не вполне объективная, так как корреспонденция ограничена одним адресатом. При сравнении с другими эгодокументами (дневниками, мемуарами) того времени можно заключить, что такой стиль отношений не был исключением.

Письма Нины Озеровой-Анерт показывают, как ее представления о новой женщине, независимости и профессионализме приходят в противоречие с ее женской природой, поисками «сильного плеча», мужского поклонения и комфортной жизни. Провозглашая свободу в выборе профессии, партнера, модели брака, финансовой независимости, героиня мечется между модерностью и традиционностью, свободой и подчинением, с одной стороны, разрушая гендерные стереотипы, с другой, подтверждая их. Можно предположить, что дистанция между декларируемыми ценностями женской эмансипации и реальным поведением женщин имела место не только в случае с Ниной Озеровой-Анерт, но и была довольно типичной. Найти примеры такого поведения и в прошлом, и в настоящем не составит труда. Можно предположить, что традиционный взгляд на женщину и ее роль в семье и обществе оказывается гораздо более укорененным в советском /русском социуме и культуре.

Список литературы

1. Пушкирева Н. Л. Гендерная система Советской России и судьбы россиянок // НЛО. – 2012. – № 5 (117). – С. 8–23. EDN: PFSTCP
2. Blekher F. *The Soviet Woman in Family and Society (a sociological study)*. – New York; Toronto: Halsted Press, 1980. – 234 p.
3. Goldman W. *Women, the State and Revolution. Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – 376 p.
4. Lapidus G. *Women in Soviet society: Equality, Development, and Social Change*. – Berkeley: University of California Press, 1978. – 381 p.
5. Stites R. *The Women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism and Bolshevism, 1860–1930*. – Princeton: Princeton University Press, 1978. – 464 p.
6. *The Palgrave Handbook of Women and Gender in Twentieth-Century Russia and the Soviet Union* / ed. by M. Ilic. – London: Palgrave Macmillan, 2018. – 1053 p.
7. Зарецкий Ю. П. Эго-документы советского времени: термины, историография, методология // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2021. – Т. 137. – № 3. – С. 184–199. EDN: RTEEAZ
8. Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: сб. статей / отв. ред. и сост. Н. Л. Пушкирева. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 864 с. EDN: RVRQHL
9. Синова И. В. Женские эго-документы рубежа XIX–XX веков: гендерная проблематика и образ «новой женщины» // Женщина модерна: Гендер в русской культуре 1890–1930-х годов: коллективная монография / под ред. В. Б. Зусевой-Озкан. М.: Новое литературное обозрение, 2022. С. 144–159. EDN: PASFWY
10. *Biography and Society: The Life History Approach in the Social Sciences*. Ed. by D. Bertaux. – London: Sage, 1981. – 309 p.
11. Greyerz K. von. *Ego-Documents: the Last Word?* // *German History*. – Vol. 28. – No. 3 (2010). – Pp. 273–282.
12. Петровская И. Ф. Биографика: Введение в науку и обозрение источников биографических сведений о деятелях России 1801–1917 гг. СПб.: «Петрополис», 2009. 385 с. EDN: UGMMZT

13. Российский государственный экономический архив (РГАЭ). Ф. 732. Оп. 1. Д. 194.
14. Пушкарева Н. Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб: Алетей; АНО «Женский проект СПб», 2007. 496 с.
15. Connell R. W. *Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics*. – Stanford (Calif.): Stanford University Press, 1987. – 334 p.
16. Komarovskiy M. *Cultural Contradictions and Sex Roles* // *The American Journal of Sociology*. – 1946. – Vol. 52. – No. 3. – Pp. 184–189.
17. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 1378. Оп. 15. Д. 402.
18. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦИА СПб). Ф. 436. Оп. 1. Д. 13268.
19. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. 341. Оп. 3. Д. 312.
20. Из дневников Л. Д. Рындиной / Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Н. А. Богомолова // *Лица. Биографический альманах*. Вып. 10. СПб.: Феникс; Дмитрий Буланин, 2004. С. 177–241.
21. Бельчич Ю. В. Эдуард Анерт. Страницы биографии (по материалам личного архива ученого) // *Россия и современный мир: Проблемы. Мнения. Дискуссии. События*. – 2004. – № 3 (44). – С. 162–170. EDN: HLCANL

Nina Ozerova-Ahnert's Letters as a Reflection of the Process of Women's Emancipation in the 1920s

Mariia V. Krotova

The article is devoted to the analysis of letters of the architect Nina Ozerova-Ahnert (1892–1968) from Leningrad to Harbin, which were preserved in the personal archive of her ex-husband, the famous geologist E. E. Ahnert. The source can be considered unique, as it reflects the inner world of an intelligent woman of the 1920s during the transition period, when women from the “former middle class” needed to integrate into a new social reality. The letters address issues related to changes in the role of women in society, family and daily life. Despite the individual case, certain features characteristic of the behavior of women of this period, who had to solve questions about women's destiny, professional realization, motherhood, marriage, etc., can be isolated from the content of the correspondence. Using an anthropological approach, the article attempts to reconstruct the life scenarios, patterns of female behavior of the author of letters. The article is based on unpublished documents from the RGAE, TsGALI SPb, TsGIA SPb, TsGA SPb. As a result, it can be concluded that even such a specific source as the epistolary heritage, if carefully read, can help in studying the processes of emancipation in the 1920s.

Key words: gender history, women's issue, emancipation, USSR, 1920s, Leningrad, ego documents, correspondence.

For citation: Krotova, M. V. (2024) Pis'ma Niny Ozerovoy-Ahnert kak otrazhenie processa zhenskoi emancipatsii 1920-h gg. [Nina Ozerova-Ahnert's Letters as a Reflection of the Process of Women's Emancipation in the 1920s]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No 3. Pp. 268–286 (In Russ). DOI: 10.3523/1/25422375_2024_3_268. EDN: XEGBJN

References

1. Pushkareva, N. L. (2012) *Gendernaya Sistema Sovetskoy Rossii i sud'by rossiyanok* [The gender system of Soviet Russia and the fate of Russian women]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], No. 5 (117). Pp. 8–23. (In Russ.). EDN: PFSTCP
2. Blekher, F. (1980) *The Soviet Woman in Family and Society* (a sociological study). New York; Toronto: Halsted Press.
3. Goldman, W. (1993) *Women, the State and Revolution. Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936*. Cambridge: Cambridge University Press.
4. Lapidus, G. (1978) *Women in Soviet society: Equality, Development, and Social Change*. Berkeley: University of California Press.
5. Stites, R. (1978) *The Women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism and Bolshevism, 1860–1930*. Princeton: Princeton University Press.
6. Ilic, M. (2018) (ed.) *The Palgrave Handbook of Women and Gender in Twentieth-Century Russia and the Soviet Union*. London: Palgrave Macmillan.
7. Zareckij, Yu. P. (2021) *Ego-dokumenty sovetskogo vremeni: terminy, istoriografiya, metodologiya* [Ego documents of the Soviet era: terms, historiography, methodology]. *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul'ture* [An inviolable reserve. Debates about politics and culture]. Vol. 137. No 3. Pp. 184–199. (In Russ.). EDN: RTEEAZ
8. Pushkareva, N. L. (2012) (ed.) *Rossijskaya povsednevnost' v zerkale gendernyh odnoshenij* [Russian everyday life in the mirror of gender relations]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.) EDN: RVRQHL
9. Sinova, I. V. (2022) *Zhenskie ego dokumenty rubezha XIX–XX vekov: gendernaya problematika i obraz "novoj zhenshchiny"* [Women's ego documents of the turn of the 19th – 20th centuries: gender issues and the image of a “new woman”]. *Zhenshchina moderna: Gender v russkoj kul'ture 1890–1930-h godov* [Modern woman: Gender in Russian culture of the 1890s – 1930s]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. Pp. 144–159. (In Russ.). EDN: PASFWY
10. Bertaux, D. (1981) (ed.) *Biography and Society: The Life History Approach in the Social Sciences*. London: Sage.
11. Greyerz, K. von. (2010) *Ego-Documents: the Last Word?* *German History*. Vol. 28. No. 3. Pp. 273–282.
12. Petrovskaya, I. F. (2009) *Biografika: Vvedenie v nauku i obozrenie istochnikov biograficheskikh svedenij o deyatelyakh Rossii 1801–1917 gg.* [Biography: Introduction to science and review of sources of biographical information about the figures of Russia of 1801–1917]. St. Petersburg: “Petropolis”. (In Russ.) EDN: UGMMZT
13. *Rossijskij gosudarstvennyj ekonomicheskij arkhiv* [The Russian State Economic Archive] (hereinafter – RGAE). F. 732. Op. 1. D. 194.
14. Pushkareva, N. L. (2007) *Gendernaya teoriya i istoricheskoe znanie* [Gender theory and historical knowledge]. St. Petersburg: Aleteya; ANO “Zhenskij proekt SPb”. (In Russ.)
15. Connell, R. W. (1987) *Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics*. Stanford: Stanford University Press.
16. Komarovskiy, M. (1946) *Cultural Contradictions and Sex Roles*. *The American Journal of Sociology*. Vol. 52. No 3. P. 184–189.
17. *Tsentral'nyj gosudarstvennyj arkhiv Sankt-Peterburga* [Central State Archive of St. Petersburg] (hereinafter – TsGA SPb). F. 1378. Op. 15. D. 402.
18. *Tsentral'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arkhiv Sankt-Peterburga* [Central State Historical Archive of St. Petersburg] (hereinafter – TsGIA SPb). F. 436. Op. 1. D. 13268.
19. *Tsentral'nyj gosudarstvennyj arkhiv literatury i iskusstva Sankt-Peterburga* [Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg] (hereinafter – TsGALI SPb). F. 341. Op. 3. D. 312.
20. *Iz dnevnikov L. D. Ryndinoy* [From the diaries of L. D. Ryndina] (2004) *Lica. Biograficheskij al'manakh* [Persons. Biographical almanac]. Issue 10. St. Petersburg: Phoenix; Dmitrij Bulanin. Pp. 177–241. (In Russ.)
21. Bel'chich, Yu. V. (2004) *Eduard Ahnert. Stranicy biografii (po materialam lichnogo arkhiva uchenogo)* [Eduard Ahnert. Biography pages (based on the materials of the scientist's personal archive)]. *Rossiya i sovremennyy mir: Problemy. Mneniya. Diskussii. Sobytiya* [Russia

and the modern World: Problems. Opinions. Discussions. Events]. No. 3 (44). Pp. 162–170. (In Russ.)
EDN: HLCANL

Об авторах

Кротова Мария Владимировна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений и политологии, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: mary_krot@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-7948-0251

About the author

Krotova Mariia V., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of International Relations and Political Science, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: mary_krot@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-7948-0251

*Статья поступила в редакцию 15.06.2024
Одобрена после рецензирования 08.07.2024
Принята к публикации 16.07.2024*